

«Божья милость» и «звонкая монета»: экономические структуры раннего Нового времени в Московском государстве.

В недавно вышедшей работе М.С. Черкасовой, посвященной специально экономике, демографии и культуре Спасо-Прилуцкого монастыря, несколько глав посвящены в том числе его солеваренным промыслам¹. В книге собраны важные сведения о том, как и когда, на каких основаниях были приобретены те или иные составляющие комплексов – варницы, земельные наделы, деревни крестьян, какими таможенными пошлинами облагалась соль при ее продаже, какие льготы получил монастырь, как осуществлялась транспортировка товаров. К сожалению, вопросы, существенные для понимания факторов, влиявших на формирование стоимости конечного продукта – о том, как именно приказные старцы, управлявшие этим сложными комплексами, обеспечивали варницы основными элементами производства – энергией и трудом – а также, как была организована работа соловаров, поставка дров как источника энергии, каким образом производилась оплата труда работников, вовлеченных в эти процессы – вновь не раскрыт как в силу выбранного корпуса источников, так и отказа от постановки подобных вопросов в принципе. Между тем, если мы хотим, наконец, понять механизмы того типа экономики, генезис которой происходит (и довольно активно) в Московском государстве в XVII в., нам необходимо выйти за рамки проблем описания структуры владений тех или иных участников экономических отношений, и задаться вопросами анализа внутренней логики устройства этих комплексов, моделей управления ими, связей между различными элементами и различными структурами. Отчасти, с точки зрения концептуального подхода, это означает возвращение к

¹ Черкасова М. С. Спасо-Прилуцкий монастырь в XVI–XVII вв. : экономика, демография, культура. Вологда: Древности Севера, 2022.

структуралистскому подходу, но обогащенному современными взглядами на отношения природы и человека², человека и пространства³, понимания того, как конструируются ресурсы⁴ (природные и трудовые), как работает сочетание «экономики капитала» и «моральной экономики»⁵. Постановка этих вопросов требует своих источников, важнейшими из которых являются приходо-расходные книги компаний, торговых домов, промысловых комплексов монастырей. Создание и применение этих книг в практике хозяйствующих субъектов уже само по себе стало явлением, указывающим на зарождение новых экономических отношений, поскольку распространение двойной бухгалтерии как вида учета отражало трансформацию представлений о сути экономических действий, главной целью которых становится не простое сохранение стабильности, а постоянное приращение материальных благ – сути экономики капитала.

В моей работе использован комплекс приходо-расходных книг соляных промыслов Спасо-Прилуцкого монастыря XVII в.⁶, который содержит массив

² Cronon, William, ed., *Uncommon Ground: Rethinking the Human Place in Nature*. New York: W. W. Norton & Co., 1995, 69-90; о Спасо-Прилуцком монастыре см. Дадыкина М. М. Монастырское хозяйство и практики обращения с природными ресурсами на Русском Севере, XVI–XVII вв. // В кн.: Русь, Россия: Средневековье и Новое время Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М. : Исторический факультет МГУ, 2019. С. 459-463.

³ Lefebvre H. *La production de l'espace*, Paris, 1974; о Спасо-Прилуцком монастыре см. Дадыкина М. М. Управляя пространством: организация Спасо-Прилуцким монастырем водных коммуникаций и их структура (XVI–XVII вв.) / *Managing Space: the Structure and Organisation of the Communication System in the Spaso-Prilutsy Monastery (16th–17th centuries)* // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4. № 3. С. 123-141. doi

⁴ Dadykina Margarita, Kraikovski Alexei, Lajus Julia. *Mastering the Arctic marine environment: organizational practices of Pomor hunting expeditions to Svalbard (Spitsbergen) in the eighteenth century* // *Acta Borealia*. 2017. No. 1. P. 50-69. doi

⁵ Бурдые П. *Практический смысл*. СПб, 2001.

⁶ Подробный источниковедческий анализ различных частей комплекса дан : Дадыкина М. М. Книги 1640-х гг. Сольвычегодского соляного промысла Спасо-Прилуцкого монастыря: кодикологическое исследование. // *Электронный научно-образовательный журнал "История"*. 2017. Т. 8. № 5(59). doi ; Дадыкина М. М. Приходо-расходные книги старца Арсения: кодикологический детектив в декорациях Смутного времени // В кн.: *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIII Международной научной конференции*. Москва, 2020 г. М. : Институт всеобщей истории РАН, 2020. С. 131-133; Дадыкина М. М. Монастырское делопроизводство кануна петровских реформ: локальные практики // В кн.: *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXI Международной научной конференции*. Москва, 12-14 апреля 2018 г. М. : ИВИ РАН, 2018. С. 132-134; Дадыкина М. М. Три загадки монастырского архива: Соляная реформа 1646 г. и ее влияние на

данных, позволяющих исследовать очерченную выше проблематику формирования промышленного производства и рынка в России раннего Нового времени. В задачи данного доклада не входит анализ всего имеющегося и собранного материала, я постараюсь показать экономическую структуру соляного производства, ее вариации и возможности реагирования на внешние вызовы в трех локациях на коротком отрезке времени 1640-х гг. Период выбран не случайно: с одной стороны, к 1640-м гг. солеварение как вид прибыльной (а значит, относящейся к интересующему нас типу новой экономики) деятельности достигает своего наибольшего размаха и относительной устойчивости на рынке, с другой, именно это десятилетие становится крайне турбулентным временем, вызовы которого должны были найти отклик в управлении производственными комплексами и приспособлении к ситуации, и отразиться в динамике таких показателей как стоимость ресурсов (энергия и труд) и конечного продукта. Поиск взаимосвязи между стоимостными показателями является отправной точкой анализа, который методологически опирается на количественный метод и с использованием создаваемых таблиц и базы данных по ценам на соль⁷.

Записи о продаже вываренной соли (приходная часть), заготовке дров как источника энергии и учет денег, выданных работникам солеварен (расход) входили в приходо-расходные книги соляных монастырских промыслов – Тотемского, Вычегодского и Унского – формуляр которых в основном сложился уже к нач. XVII в., но имел свою специфику для каждого промысла. Тотемский промысел был более других вовлечен в операции на местном рынке соли, продавая крупные и средние партии продукции перекупщикам. Записи о продаже соли составляли иногда до трети всей приходо-расходной книги.

делопроизводственную практику монастырских соляных промыслов // В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX Международной научной конференции. [б.и.], 2017. С. 122-124.

⁷ В рамках проекта РНФ № 23-28-01716 «Соляной рынок Русского Севера в XVII в.: открытая база данных».

Каждая запись фиксировала дату продажи, статус и имя покупателя (не всегда), количество проданной соли, цену за пуд, общую сумму сделки. Следует отметить, что при пересчете суммы сделок иногда не совпадают, как правило, в книгах происходит округление долей в ту или иную сторону, но не существенно).

Энергия. Дрова, являвшиеся важнейшей составляющей производства соли, оценены управляющими монастырскими промыслами как сумма расходов на превращение деревьев в лесу, которые имеют нулевую стоимость (как воздух или вода) в нечто, правильно обработанное и упакованное, пригодное для дальнейшего использования в основном производстве. Записи о покупке/заготовке дров составляли отдельную часть – «Дровяные книги», куда вносили все расходы, связанные с заготовкой и доставкой дров для солеварен. Этот раздел в свою очередь включал три части, соответствующие трем главным операциям: сечка дров в лесных делянках, вывозка готовых дров из леса к варницам в иссады, и валеж (рубка) деревьев в лесу для будущей сечки. Каждой части соответствует стандартная формула записи, клаузула, которая изменяется незначительно при наличии отклонений в самой производимой операции. Расположение трех частей учета заготовленных дров соответствует порядку операций, производимых в текущем году, что отличается от реальной цепочки процесса заготовки, которая начинается с валежа (рубки деревьев на будущие дрова в лесу), то есть с марта – апреля. В Тотьме на сезонные работы по заготовке дров монастырские старцы нанимали крестьян тех деревень, которые были расположены вдоль дорог, ведущих к монастырским вырубкам: Царевской, Вожбальской, Кулойской волостей (и соответственно тех же названий дорог), иногда также монастырской Углецкой деревни. Приведенные формулы записи показывают, что крестьяне небольшими артелями родственников или часто соседей по деревне заключали договор подряда на выполнение определенного объема работ за денежное вознаграждение. Договор фиксировался, по-видимому в краткой форме в черновых записях монастыря и позже переносился в беловую книгу. Крестьяне могли в один год взять подряд на валеж деревьев, а

на следующий они же секли их «в своем валежу» и вывозили. Но чаще это были разные артели, получавшие работу в свободных участках. Стоимость работ одного вида для разных артелей была договорная и могла зависеть от множества факторов как экономического (общее снижение/повышение спроса на дрова), способность вести переговоры об оплате (торговаться), так и внеэкономического характера – степень удаленности вырубок для работ по перевозке дров, состояние дорог в зависимости от времени работ, наконец, постоянные работники формировали своеобразные связи с работодателем и получали некоторые преференции). Самой высокооплачиваемой операцией была возка дров (она предполагала использование собственных лошадей и саней работников), тогда как первичная рубка в лесу (валеж) была самой дешевой.

Судя по записям в приходо-расходных книгах заготовку дров в Унском промысле монастырские старцы организовывали с использованием двух вариантов найма работников. Первый был традиционен для работ в Кирвасово и в «горних» шалгах, куда нанимали людей, имевших собственных лошадей и сани-дровни. Такие работники получали только денежное вознаграждение за свои труды. Другим вариантом было использование монастырских лошадей (из Вологды присылали особых «дрововозных» лошадей, вероятно, более выносливых тяжеловозов) и найм трудников-дрововозов, жалование которых было частью денежным, а частью натуральным – на протяжении всех недель работы монастырь снабжал их «хлебом и вологою⁸». Можно предположить, что к этой категории работников относилась беднейшая часть местного и/или пришлого (вольные люди) населения, почти буквально работающего за еду и по этой причине, возможно, более привязанного к одному постоянному «работодателю». Впрочем, учитывая специфику последнего, нужно также допустить вероятность переплетения экономической и внеэкономической (в

⁸ *Волога* – употреб. в знач. масла, сала, жира, сдобного, скороми; вологодск. скоромное, жидкое съестное. (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1995. С. 234).

большей степени именно религиозной) составляющей в принятии человеком решения стать трудником.

В случае Вычегодского промысла, при котором у монастыря не было собственных лесных угодьев, записи содержат информацию об операциях по закупке дров разной категории в зависимости от времени года – зимние полностью готовые «саженные» дрова, летние, доставленные по реке, которые покупали плотами и далее нанимали работников для их сечки и укладки.

Соловары. Самая большая артель соловаров была в Тотьме и включала повара и подварка, 4-х водолеев, тщанника, пескаря и дрововоза. Учет денег, выданных первым двум категориям велся слитно, что не позволяет определить долю каждого (повара и его помощника) в указанной сумме, поэтому в таблицах они посчитаны вместе.

Артель в Соли Вычегодской была меньше и включала одного повара, 2-х водолеев и пескаря. Оплата производилась за поварную неделю⁹, составлявшую каждую по 8–10 дней. Продолжительность недели не зависела от времени года, в сильные морозы вся артель или только ее часть (дрововоз и пескарь) получали «наддачу» за сложность условий. Варницы могли быть остановлены для текущего или внезапного ремонта, что сокращало количество отработанных недель, а следовательно, и годовой заработок артели. В среднем, при благоприятных условиях одна артель в течение года отрабатывала до 39-40 недель.

Несколько сложнее анализировать оплату труда в Унском промысле из-за особенностей ведения здесь учета. В унских книгах подробно расписаны затраты и весь цикл работ по заготовке дров, на каждом этапе расчетов дается промежуточный результат, в конце книг приведены общие итоги за год. Но учет оплаты труда соловаров выражен короткой формулой о том, сколько всего в год израсходовано денег, причем, здесь оплата была «сдельная» – за единицу учета взят сугреб равный 50 пудам соли. Поскольку по двум другим промыслам

⁹ В книгах Вычегодского промысла учет велся за 2 недели.

мы знаем о делении поварной недели на «уимки» (обычно их 4), в каждой в среднем по 50 пудов соли, можно попытаться привести унские данные в соответствие с годовым и понедельным расчетом стоимости труда местной артели, разумеется, осознавая все ограничения подобной операции (это не будут данные самого источника)¹⁰.

Перерывов на праздники, включая Рождество или Пасху не было, т.е. в отличие от принятого в литературе для периода раннего Нового времени рабочего года в 252 дня, в солеваренном производстве, требующем непрерывного цикла, количество рабочих дней в году практически совпадало с календарным годом (что необходимо учитывать для корректных выводов, например, при сопоставлении заработков с работниками в других сферах).

Дрова¹¹

Стремление сократить расходы на производство соли в условиях сложности ее сбыта (один из «моментальных» результатов введения двугривенной пошлины на продажу пуда соли в 1646–48 гг.) заставляло владельцев солеварен использовать различные инструменты и тактики. Инструментов, использованных для решения этой задачи было два: 1) сократить объем производимого товара (остановить на некоторое время варницы) и 2) снизить затраты на труд, сократив оклады работникам как в солеварне, так и занятым на заготовке дров. Ниже в таблицах представлены сводные данные по трем промыслам, демонстрирующие динамику стоимости труда (по категориям работников и совокупно), объемы и стоимость заготовленных/купленных дров (объем энергетического сырья), себестоимость соли (для Унского промысла), движение цен на соль на разных рынках (Тотьма, Соль Вычегодская, Вологда) в интересующей годы.

¹⁰ Учитывая указанные уже в источнике объемы годовой выварки соли, получим немного иные данные о продолжительности поварной недели – 7-8 дней – и о количестве возможных рабочих недель в году – до 44 (что, впрочем, маловероятно, поскольку в течение года варницы хотя бы раз останавливали для короткого ремонта протекшего црена).

¹¹ Более подробно см. *Дадыкина М. М.* «Конструируя энергию: «дровяная поставка» в солеваренных промыслах на Русском Севере в XVII в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 6 (128). URL: <https://history.jes.su/s207987840027171-7-1/>. DOI: 10.18254/S207987840027171-7.

В условиях роста издержек в момент продаж можно было бы ожидать резкого повсеместного повышения цен на соль в эти годы, но собранный материал дает более интересную картину: например, с лета 1646 по весну 1648 на местном рынке Тотьмы монастырь продает соль перекупщикам по сниженной цене, причем объемы партий товаров уменьшаются, но возрастает частота сделок. Фактически, мы видим как идет игра на понижение, что позволяет избавиться от излишков проблемного товара. В Соли Вычегодской цены действительно выросли, что привело к интересному способу избавиться от излишков товара: книги содержат записи об отдаче соли «безденежно» или по прежней цене различным контрагентам, от верхушки посада (например, Строгановым, воеводе, подъячим) и собственным работникам и крестьянам до некоторых перекупщиков¹².

Но эта логика не позволяет избежать издержек на продолжающееся производство, поэтому, во-первых, варницы (даже капитально отремонтированные) периодически закрывают на текущий ремонт, что сокращает годовые заработки соловаров, стоимость единицы труда которых также снижается, причем, неравномерно для разных категорий работников; во-вторых, снижается объем заготовок дров и стоимость труда работников, нанимаемых для этого. Некоторые тенденции оказываются долговременными, так в Уне и Соли Вычегодской даже к началу 1650-х гг. цены на дровяном рынке и стоимость наемного труда в солеваренном производстве и на заготовке дров оставались сниженными, тогда как в Тотьме дореформенные показатели восстанавливаются довольно быстро. В Унском промысле монастырь увеличивает производство соли, по-видимому, беря по договору на время третью варницу (которая тем не менее является «скрытой», поскольку не указана в книгах за 1646–48, но названа уже в 1649 г.), в Вычегодском промысле мы видим быструю реакцию рынка – повышение цен на соль, и

¹² Интерпретировать эти акции можно по-разному в зависимости от получателя данного блага: как накопление «символического капитала» (см. *Бурдьё П.* Практический смысл. СПб, 2001. С. 220–226, и 252–253 о «мягком господстве») через укрепление связей, если соль действительно, раздавали даром, или как скрытые фьючерсы.

падение их на дрова, что является косвенным свидетельством сокращения общего производства соли в городе и как следствие падения спроса на большие объемы энергетического сырья.

На скорость, пути складывания и структуру рынков разных уровней и характера – локальных, региональных, рынка труда, энергоресурсов, готовых товаров – оказывали влияние различные факторы факторы: а) традиционность практик взаимодействия участников экономических процессов, а также природопользования, б) плотность населения, от которой зависела потребность в товаре, в) степень развития энергозатратных промыслов, г) особенности культуры потребления.

Описанные производственные комплексы и инструменты управления ими обнаруживают – и как отдельные «модели» или «атомы», и как части целого, встроенные в большую систему – сложную многоуровневую структуру всей российской раннемодерной экономики. Противоречивость этой экономики и сложность анализа ее явлений и процессов связана в том числе с ее собственным внутренним противоречием. Она одновременно заключала в себе древнейшие принципы взаимодействия участников на основе «моральной экономики» или «экономики дара», с одной стороны, и уже возникшие элементы и институции «экономики капитала», проявившиеся ярко в условиях возникшего кризиса. События и явления «нестроения» 1640-х гг. сочетали противоречия экономического, социального, политического и культурного характера, когда даже традиционно ориентированные в первую очередь на сохранение стабильности¹³ в противовес сиюминутным выгодам участники, к

¹³ Как например, в кон. XVI в., см. *Дадыкина М. М.* Монастырь, монахи, менеджмент: структура монастырской торговли в конце XVI— XVII вв. // В кн.: Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник материалов Четвертой международной научной конференции (Нижний Новгород, 28–30 сентября 2017 г.). Н. Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 127-135. Пример практик «выживания» монастыря в условиях системного кризиса см. *Dmitrieva Z., Margarita M. Dadykina* Локальная экономика раннего нового времени в условиях системного кризиса (по материалам приходных и расходных книг Кирилло-Белозерского монастыря 1620-х гг.) // *Cahiers du Monde Russe*. 2023. Т. 64. № 2. С. 351-365. doi. Трансформация практик показана в статье *Kraikovski*

каковым должны были бы относиться управлявшие промыслами старцы монастыря, включились в новую «игру», где «стабильность» уже не была равна сохранению патерналистской устойчивости системы, но и не отказывалась от нее.